

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Почему Гюго? Мне нечего искать заступников. К Жорж Санд меня привели Марсель Пруст и Ален, но я не помню такого времени, когда бы меня не восхищал Виктор Гюго. Я еще не знал грамоты, но уже с волнением слушал, как мать читала нам «Бедных людей», в пятнадцать лет я был потрясен, прочитав «Отверженных»; всю жизнь я открывал новые стороны его гения. Как и многие читатели, я лишь постепенно постиг красоту его больших философских поэм. И наконец я прочел и полюбил последние стихи старого Орфея и нашел в сборниках «Все струны лиры», «Мрачные годы» и «Последний сноп» прежде неведомые мне шедевры.

Почему Гюго? Да потому, что он самый большой французский поэт и необходимо узнать его жизнь, чтобы понять противоречивую натуру этого гениального художника. Как этот осторожный, бережливый человек был вместе с тем щедрым; как этот целомудренный юноша, этот примерный отец семейства стал на склоне лет старым фавном; как этот легитимист превратился в бонапартиста, а затем в патриарха Республики; как этот пацифист лучше всех воспел знамена Ваграма; как этот буржуа предстал в глазах буржуа мятежником — все это должен объяснить каждый биограф Виктора Гюго. За последние годы прояснился ряд обстоятельств его жизни, было опубликовано много писем и записных книжек; я задумал обобщить разрозненные документы и попытался добиться, чтобы из них возник облик человека.

В моей книге содержится множество неизданных текстов (письма Гюго к госпоже Биар, к его снохе Алисе, к его внукам, к графу Сальванди, к полковнику Шарра́, письма Адели Гюго к Теофилю Готье и письма к ней Огюста Вакери, выдержки из записных книжек Сент-Бёва, письма Эмиля Дешана к Виктору Гюго, Леопольдины Гюго к отцу, Джеймса Прадье к Жюльетте Друэ — и так далее), но привлечение новых материалов не было главной моей целью. Я отка-

зался ввести в свою книгу многие письма, сами по себе интересные, но не прибавляющие ничего существенного. Надо остерегаться, как бы не похоронить своего героя под грудой свидетельств. Я не хотел такжеотяжелять рассказ исследованиями поэтики Гюго, его религиозных убеждений, истоков его творчества — все это уже сделано другими, и сделано хорошо. Словом, я описывал жизнь Виктора Гюго, не больше и не меньше, стараясь не забывать того, что в жизни поэта творчество занимает столько же места, как и внешние события.

Я многим обязан исследованиям и комментариям тех людей, которые сейчас лучше всех знают Виктора Гюго: Раймону Эшолюе, Анри Гиймену, Дени Сорá. Когда я собирал материалы в Доме Виктора Гюго, хранитель музея Жан Сержан и его помощница Мадлен Дюбуа руководили моими поисками в их великолепных коллекциях; в каталогах их выставок я почерпнул новые и очень полезные сведения. Мои друзья в Национальной библиотеке — Жюльен Кэн, Жан Порше, Жак Сюффель, Марсель Томá, Жан Прине — предоставили в мое распоряжение рукописи, записные книжки и бумаги Виктора Гюго. Жан Помье любезно разрешил мне опубликовать отрывки из посмертной статьи Сент-Бёва, находящейся в собрании Шпельбера де Лованжуля, а Марсель Бутерон разрешил мне воспользоваться материалами из пятого (еще не изданного) тома писем Бальзака к Чужестранке.

Щедро снабдили меня документацией госпожа Андре Гаво (урожденная Лефевр-Вакери), госпожа Люсьенна Дельфорж и господина Жорж Блезе, Альфред Дюпон, Жан Монтаржи, Филипп Эриа, Франсис Амбриер, Габриель Фор. Пьер де Лакретель, чья мать была подругой Алисы Гюго-Локруа, охотно рассказал мне то, что он знал о среде, в которой Виктор Гюго провел последние годы своей жизни. Наконец, моя жена, с обычной своей добросовестностью, собрала для меня драгоценную переписку. Без нее мне бы не справиться с задуманной мною работой, самой обширной и самой трудной из всех, какие я предпринимал до сих пор. Что касается меня, то я приложил все усилия к тому, чтобы, не погрешив ни против благоговейного своего отношения к великому поэту, ни против правды, последовательно рассказать все то, что при нынешнем состоянии исследований известно о его жизни.

А. М.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОЛШЕБНЫЕ
ФОНТАНЫ

О память! Слабый свет среди теней!
Заоблачная даль тех давних дум!
Прошедшего чуть различимый шум!
Сокровище за горизонтом дней!

Виктор Гюго¹

---

¹ Здесь и далее, кроме случаев, специально оговоренных, стихи даются в переводе Н. Горской.

I

ПО КРОВИ ОН СЫН ЛОТАРИНГИИ И БРЕТАНИ...

Около 1770 года в Нанси жил мастер ремесленного столярного цеха Жозеф Гюго, пользовавшийся привилегией покупать для своих поделок лес, сплавляемый по Мозелю, имевший, кроме мастерской, несколько небольших домов в городе. Он был человек суровый, с крутым характером. Отец его пахал землю в Бодрикуре, «по соседству с лотарингскими лугами, где родились Жанна д'Арк и Клод Желле». В молодости он служил в легкой кавалерии в чине корнета, то есть аджудана. Променив плуг на саблю, он затем расстался с саблей ради рубанка. Фамилия Гюго немецкого происхождения, довольно часто встречающаяся в Лотарингии. В XVI веке некий Жорж Гюго состоял капитаном гвардии и получил дворянское звание; некий Луи Гюго был аббатом в Эстивале, а затем епископом Птолемаидским. Состоял ли столяр Гюго в родстве с епископом? Никто этого не знал, но дети столяра охотно уверовали в это и рассказывали, что Франсуаза Гюго, графиня де Графиньи, в письмах к их отцу называла его «брат мой». Жозеф Гюго имел от первой жены, урожденной Дьедонне Беше, семь дочерей, а от второй — Жанны Маргариты Мишо — пять сыновей, и все пошли добровольцами в армию Революции. Двое из них погибли под Висамбуром, а трое уцелевших стали офицерами. После падения монархии военная карьера стала новой формой перехода из одного класса в другой, а членов семейства Гюго, казалось, инстинктивно тянуло к военному поприщу.

Третий сын — Жозеф Леопольд Сигисбер Гюго — родился в Нанси 15 ноября 1773 года. Густая пышная шевелюра и низкий лоб, глаза навывкате, толстые чувственные губы

и слишком яркий румянец — все это придавало бы вульгарность его внешности, но выражение доброты, глаза, блестящие умом, и очень ласковая улыбка делали его обаятельным. Образование он получил у каноников нансийского капитула, но рано прервал учебу, так как в возрасте пятнадцати лет пошел волонтером в армию. Он знал латынь, математику, довольно хорошо писал в стиле своего века, и не только военные рапорты, но и мадригалы, песенки, письма в духе Руссо, а позднее — причудливые романы, полные всяких ужасов и катастроф. Человек веселый, приятный собеседник, он был, однако, подвержен приступам мрачного настроения и тогда воображал, что его преследуют враги. В 1792 году, будучи капитаном Рейнской армии, он познакомился с Клебером — в ту пору командиром батальона, с лейтенантом Дезексом и генералом Александром Богарнэ, первым мужем будущей императрицы Жозефины. Солдаты любили капитана Гюго, находили, что он славный малый, хоть и вспыльчивый, но отходчивый и, в сущности, при всей своей телесной мощи, человек мягкий, правда блиставший отвагой в сражениях.

Он действительно отличался храбростью, несколько раз был ранен, под ним в боях были убиты две лошади. В 1793 году его послали на подавление Вандейского восстания и назначили старшим адъютантом его лучшего друга Мюскара, командовавшего батальоном. Гюго было тогда двадцать лет, а Мюскару тридцать четыре. Мюскар был офицер кадровый, выслужился из солдат, по национальности баск. В 1791 году, прослужив в королевской армии семнадцать лет, он имел только чин старшего сержанта. Революция и война дали ему наконец возможность выдвинуться. У него имелись данные, необходимые в смутные времена для того, чтобы стать военным трибуном: высокий рост, зычный голос, красноречие, прямота и, разумеется, отвага. За шесть месяцев кампании он получил три повышения в чине. В 1793 году 8-й батальон Нижнерейнской армии избрал его своим командиром.

Мюскар и Гюго были созданы для взаимного понимания. Оба крепко верили в принципы 1789 года, были жизнера-

достны, свободомыслящи, отличались пылкостью и честностью. Как это бывает во всех гражданских войнах, война, которую Конвент предписал им вести в Вандее, была жестокой. Какие приказы они получили? Сжигать одиноко стоящие дома и, главное, замки, уничтожить все сельские пекарни и мельницы, превратить мятежный край в пустыню. Упорный, неуловимый враг, скрывавшийся то в перелесках, то за живыми изгоролями, то в канавах, то в оврагах, непрерывно тревожил республиканцев, и они нервничали. И синие, и белые расстреливали пленных. Леопольд Гюго, который был всем обязан Революции, разделял ее страсти; он даже подписывался *санкюлот Брут Гюго*, но сердце его оставалось человеческим, и «разбойники Шаретта» скоро узнали, что этот синий не лишен чувства жалости. Быть может, благодаря своей репутации человека великодушного республиканский офицер Леопольд Гюго и встретил довольно благожелательный прием у бретонки Софи Требюше, на старинной ферме, почти что замке, Ренодьере в кантоне Пти-Оверне, когда он попросил там приютить на час его измученных солдат.

Юная и стройная миниатюрная девушка-бретонка с большими карими глазами, энергичным и даже надменным личиком, с прямой линией носа, как у античных греческих статуй, «могла похвастаться крепким здоровьем, великолепным цветом лица, радовала взгляд своим решительным и задорным видом. В легкой ее поступи, в гармоничных движениях было что-то изящное и вместе с тем сельское...». Отец ее, имевший еще двух дочерей, был капитаном корабля, приписанного к Нанту, торговал неграми, ее дед по матери, господин Ленорман дю Бюиссон, занимал пост прокурора в гражданском и уголовном суде Нантского судебного округа. Семейство Требюше и Ленорманы при монархии были, «как все», монархистами. Буря Революции их разделила. У Софи Требюше одни родственники стали белыми, а другие — синими; ее дед — Ленорман дю Бюиссон, — судейский чиновник по своему положению и сутяга по призванию, согласился стать членом Революционного трибунала в Нанте, что не вы-

зывало уважения у его внучки, возмущавшейся крайностями террора.

Софи Требюше, осиротевшую в детстве, воспитала ее тетка, госпожа Робен, вдова нотариуса, — особа решительная, роялистка и вольтерьянка, привившая свои взгляды и девочке. Госпоже Робен было шестьдесят лет, когда ей в 1784 году доверили воспитание племянницы. В 1789 году она благожелательно смотрела на созыв Генеральных штатов, но в 1793 году, напуганная жестокостями, имевшими место в Нанте, и казнями уважаемых ею людей, она решила укрыться вместе с племянницей в маленьком городке Шатобриане, где у них были родственники. Близ него, в самой середине края, охваченного восстанием, находилось поместье Ренодьера, уже два столетия принадлежавшее семейству Требюше.

Как все девушки, выросшие без матери, Софи Требюше обладала характером решительным и независимым, вдобавок она не верила в Бога, была добра и великодушна; она смело скакала верхом на лошади в окрестностях Шатобриана по дорогам с высокими откосами; защитой ей служило свидетельство о благонадежности, выданное девице Требюше, несомненно благодаря старику Ленорману, якобинцем Карье, ужасным проконсулом Нанта, и она пользовалась этим талисманом для того, чтобы спасти священников, не присягнувших новому уложению о духовенстве, или устраивать побеги шуанам.

Ведь она тоже стала «горячей вандейкой, питавшей ужас перед деспотизмом Конвента». По правде сказать, обеим этим женщинам, укrywшимся в Шатобриане, оставалось только выбирать между двумя видами террора — террором якобинских солдат и террором «разбойников», то есть шуанов. Красный террор или белый террор. Поэтому Софи предпочитала маленькому городу, раздираемому ненавистью, свой простой дом на ферме Ренодье. Ей нравилось ходить в сабо, работать в саду. В Пти-Оверне «мужики» еще называли ее «наша барышня», как в старые времена. Эта независимая амазонка, немало гордившаяся своими родственными связями

с окрестным мелким дворянством, стоическая душа, всегда занятая цветами, погруженная в грезы, видевшая себя в смутных мечтах невестой некоего героя, с каждым днем все больше привязывалась к таинственному краю, где она поселилась.

Маленькая армия синих, голодная, измученная, доведенная до отчаяния ненавистью, которая ее окружала, в отместку грабила и убивала мятежников. Бравый Мюскар — прекрасный человек, отнюдь не отличавшийся кровожадностью, говорил со вздохом: «Прискорбно командовать войсками, когда они позорят своих начальников». Тем не менее он проклинал «всех фурий, вероломных негодяев, мегер», которые поддерживали отношения с шуанами и помогали им устраивать засады на патриотов. Софи Требюше принадлежала к этой категории вандейцев и разделяла их злобные чувства, тем более что в Ренодьере синие однажды дали волю «кровоному разгулу и разврату».

И все же, когда в один прекрасный летний день 1796 года она, возвращаясь с верховой прогулки в Шатобриан, встретила на дороге веселого капитана Гюго, который «прочесывал» перелески в поисках «разбойников-шуанов», у нее нашлось достаточно причин быть с ним любезной. Во-первых, молодой офицер не нес ответственности за происходившую резню. Она слышала, что он имеет влияние на Мюскара, и притом влияние благотворное. А главное, подошедший крестьянин только что сообщил «своей барышне»: «Синие нагрянули. А тут совсем близко наши священники. Займите остолопов». Она принялась (и очень успешно) кокетничать, тотчас согласилась принять капитана Гюго с его солдатами и увела отряд в Ренодьеру.

Подали фрукты и прохладительные напитки. Начался разговор. Молодой капитан произвел впечатление. Он имел некоторое образование, мог цитировать Тита Ливия и Тацита, декламировать стихи Вольгера, элегии Парни, сам сочинял мадригалы и акrostихи «в таком стиле, какой приятен красоткам». Кроме того, он отличался грубоватой, но заразной жизнерадостностью, всегда готов был и петь и сра-

жаться. Мюскар сочинил в его адрес следующую шутливую эпитафию:

Здесь спит краса и гордость батальона;
От смеха умер он и умирал, смеясь,
За мрачным Стиксом рассмешил Плутона,
И мертвые теперь признали смеха власть.

Завязать добрые отношения с могущественным в краю офицером было на руку барышне Требюше, и она еще раз встретилась с ним. Она с любопытством наблюдала за этим двадцатитрехлетним капитаном с чувственным ртом и ласковыми глазами. А его самого, хоть он и возил за собою в походах, по примеру своих начальников, доступную девицу, «пышногрудую, но скудоумную» Луизу Буэн, именовавшую себя «женою Гюго», хоть он и хвастался, довольно грубо, своими любовными победами, — его привлекала молодая бретонка, обладавшая мужским умом и мужской храбростью. С ее стороны было искусным политическим ходом пригласить Гюго и Мюскара к тетушке Робен. Двери большинства домов в Шатобриане были закрыты перед офицерами Республики. Тем более их тронуло радушное приглашение. Мадемуазель Требюше блистала умом и такой свежестью, что казалась прелестной. Вскоре оба офицера называли ее запросто — «Софи», а госпожу Робен — «тетушка». Со своей стороны Софи, испанская душа, заинтересовалась молодым капитаном. Он спасал женщин, заложников, детей. Ей приятно было совершать с ним верховые прогулки по дорогам Бокажа, идущим меж высоких откосов, и в беседах храбро доказывать ему, что война против шуанов несправедлива. Гюго горячо защищал Республику, но восхищался твердым характером очаровательной девушки и гордился тем, что не посягает на ее честь, а она гордилась, что так смело говорит с противником.

Недолго длилась эта странная идиллия. Мюскар поссорился со своим генералом и из 8-го батальона Нижнерейнской армии был отозван Директорией в Париж. Санкюлот Брут Гюго грустил, расставаясь с юной бретонкой. Тетушка

Робен тоже жалела об этой разлуке. Она была в достаточной мере философом, чтобы принять новые времена, и не стала бы противиться браку своей племянницы с офицером республиканской армии. Но Софи, мнение которой она постаралась выпытать, заявила, что «брак несколько ее не привлекает». Она уехала в Ренодьеру возделывать свой сад. Однако Гюго и в Париже не забывал «маленькую Софи из Шатобриана» и продолжал писать ей письма, хотя и держал при себе для временного сожительства пышногрудую девицу Луизу Буэн. Гюго писал Мюскару: «Я часто прижимаю ее к сердцу и чувствую сквозь два прелестных полушария, как нарастает волнение, воодушевляющее мир!.. Задержем занавес...»

Удивительное дело — этим веселым и распутным офицером при всяких неприятностях овладевала какая-то странная мания преследования. Когда Мюскар, командир батальона, получил другое назначение, Гюго надоед штабу жалобами на нового своего начальника, называл его «негодяем, которого следует не только заковать в кандалы, но и предать смерти», «грязной душой», «крокодилом, извергнутым водами Рейна». От недовольного постарались избавиться, назначив его докладчиком военного совета — должность, дававшая ему право получить квартиру на Гревской площади в здании ратуши. В этой официальной резиденции он не имел права поселять свою наложницу. Луиза Буэн немедленно исчезла, проявив и скромность, и внезапно возникшее равнодушие, что было обычным в те времена, и капитан мог на досуге мечтать о Софи Требюше. Она отвечала на его письма с «крайней сдержанностью» и «целомудрием чувств», совсем не похожими на «забавное краснобайство и шутливый тон», характерные для посланий капитана. Но может быть, сама эта сдержанность и пленяла его. Во всяком случае, он сделал Софи Требюше предложение.

Она была круглой сиротой, была на полтора года старше жениха, нуждалась в поддержке. Однако ее, по-видимому, совсем не соблазнял этот брак, — понадобились настояния всех ее друзей в Нанте, чтобы она дала согласие. Она приехала в Париж в сопровождении своего брата; Гюго «ошелом-

мил ее своими любовными восторгами», и 15 ноября 1797 года их соединили гражданским браком в мэрии IX округа, на улице Фиделите. Из брачного контракта явствует, что у капитана Гюго, кроме жалованья, было некоторое недвижимое имущество и доходы, невеста же выходила замуж без приданого — поместье Ренодьера ей лично не принадлежало. Однако великодушный солдат согласился заключить контракт на основе общности имущества, и, хотя жизнь в годы Директории была очень дорога, он никогда на это не жаловался. «Деньги, — говорил он, — это нерв войны, но только войны. А того, что я имею, — для мирной жизни достаточно, я в долги не влезаю и забот не знаю».

Супруги прожили в Париже два года; Гюго был страстно влюблен в свою умненькую бретоночку, а ей немного надоела шумные разглагольствования мужа и его вольные шуточки, ей досаждал чрезмерный любовный пыл этого могучего мужчины с бычьей шеей. Но она все терпела, будучи женщиной скрытной, упорной и властной. У нее остались очень плохие воспоминания «о печальном времени, прожитом в древней ратуше, где в дни Революции пострадали и картины, украшавшие стены, и сами стены». У молодых супругов не было ни белья, ни посуды. Софи тосковала о Ренодьере, о своем саде, о морском воздухе родной Бретани. Лучшим их другом стал секретарь трибунала Пьер Фуше, сын нантского сапожника, старый знакомый семейства Требюше, ровесник капитана Гюго, весьма, однако, отличавшийся от него темпераментом, человек осторожный, целомудренный, заядлый домосед. Воспитание, которое Фуше получил у своего дяди-каноника, более пригодно было для ораторианца, чем для солдата. Разделяло друзей только одно — политика. Докладчик дел был республиканец, а секретарь трибунала — роялист, но оба в спорах не питали ненависти друг к другу.

Через несколько дней после женитьбы Гюго секретарь трибунала сочетался браком с Анной Виктуар Асселин и попросил капитана Гюго быть свидетелем в мэрии. На свадебном обеде Леопольд Гюго наполнил свой бокал и восклик-

нул: «Пусть у вас родится девочка, а у меня мальчик, и мы их поженим. Пью за здоровье будущей семьи».

В Париже времен Директории, когда и в модах и в шутках царила нескромность, супруги Гюго посещали места всяких увеселений. Софи носила воздушные одеяния, которые, как говорил ее муж с отвлеченной непристойностью языка того времени, «дозволяли пытливому взору любоваться самыми сокровенными прелестями красавиц». В «Идалийских садах», на углу улицы Шайо и Елисейских Полей, где показывали весьма смелые живые картины, как, например, «Соединение Марса и Венеры за прозрачной завесой облаков», они встретили полковника Лагори, друга детства Софи Требюше. Виктор Фанно Лагори был уроженцем Майенны. Присоединившись к Революции, он сохранил аристократические манеры, приобретенные в коллеже Людовика Великого, где тогда преподавали монахи-иезуиты. Он носил прекрасно сшитый синий фрак, синие короткие панталоны без выпушки, «черную треуголку с крошечной кокардой» и белые перчатки. Короче говоря, в одежде его было строгое, классическое изящество. Встреча с ним доставила Софи Гюго явное удовольствие; несомненно, благородная сдержанность Лагори особенно выигрывала по контрасту с шумной развязностью майора Гюго. Во времена распушенности нравов молодой полковник со сверкающими, как алмаз, глазами жил без любовницы. Этот стоик и мечтатель охотно читал по-латыни поэтов Древнего Рима, любил и французскую поэзию. «У него был незаурядный, богато оснащенный ум, и он умел его показать». Душа требовательная, гордая и достойная любви. Полковник Лагори привязался к семейству Гюго, и они в свою очередь платили ему дружбой: муж радовался, что нашел в его лице покровителя, близкого друга генерала Моро, которого Директория послала с важной миссией в Итальянскую армию; жена была довольна, что у нее появился наперсник, умеющий хранить доверенные ему тайны, такой же скрытный, как и она сама.

В 1798 году у супругов Гюго родился сын Абель, а в следующем году майор отправился в армию, так как 20-я полу-

бригада, в которую он получил назначение, должна была войти в Рейнскую армию, горделиво именовавшуюся Дунайской. Он перевез жену в Нанси. Адрес ее был тогда такой: «*Нанси, в старом городе, улица Маршалов, гражданке Гюго, проживающей у своей свекрови*». Унылая улица, угрюмый дом. Желтоватый мрачный фасад, темный внутренний двор. Бретонка, привыкшая к вольному воздуху, задышалась там. Ей не пришлось по душе свекровь и, главное, золовка, Маргарита, которую называли уменьшительным именем Готон, в замужестве Мартен-Шопин. Эта особа решила командовать невесткой. Софи хотела сама кормить грудью ребенка, купать его, прогуливать, но в семействе Гюго предпочитали кормить младенца из рожка, а вместо купания — обтирать его уголком мокрого полотенца. Как и многих героев, Леопольда Гюго угнетали ссоры, происходившие между его матерью и женой, он старался каждую признать правой и обеим угодить.

Красавца-полковника Лагори, встреченного в «Идалийских садах», перевели в Нанси. Он не забыл Софи, женщину серьезную, любезную его сердцу, и у него вошло в привычку заходить побеседовать с ней. Тем, занимательных для них обоих, было достаточно: строгие суждения о терроре, надежды на мир и подлинную свободу, восхваления генерала Моро, к которому Лагори был очень привязан, меланхолические воспоминания детства, тоска о Бретани и Нормандии. Встречи благоприятствовали зарождению тайной любви, вначале бессознательной и невинной. В декабре 1799 года Моро был назначен командующим Рейнской армией. Лагори стал начальником штаба, и, по установившейся с незапамятных времен традиции всех армий, майор Гюго, жена которого нравилась молодому генералу, получил все, что хотел, и сам был прикомандирован к Моро.

Жену он сначала оставил в Нанси. Ее больше, чем когда-либо, пугала жадная, чувственная страсть мужа, ибо Софи снова ждала ребенка, а втайне была влюблена в Лагори. Она умоляла мужа дать ей отдых от супружества, и в письмах, которые майор Гюго, сам сочинявший послания в духе Сен-

Пре, считал ледяными, она просила, чтобы ей дозволено было рожать в Бретани.

Майор Гюго — госпоже Гюго

Я не удивляюсь, что тебе радостно уехать из Нанси и вновь увидеть дорогих своих родственников, но радость свою ты выражаешь так восторженно, что у меня сжимается сердце...

Софи хотелось увезти с собою в Ренодьеру маленького Абея. «Мне было бы очень неприятно, — писала она, — оставить его в краю, с которым я прощаюсь навсегда... Возвратившись на родину, я оттуда никуда больше не двинусь: ты всегда будешь волен увидеться там со мною и с детьми, когда пожелаешь приехать и пожить с нами...»

Эта враждебная позиция приводила молодого супруга в отчаяние: «Софи, ужели это ты начертала такие обидные слова?..» Он заговорил даже о самоубийстве; конечно, то была литература: «Я уже собрался... но остановился... не из страха...» Он не позволил жене уехать и написал ей из Аугсбурга, что скоро приедет в Нанси навестить ее: «Я уже представляю себе, как я держу на одном колене тебя, а на другом — Абея и как мне сладостно будет целовать тебя, когда ты уже носишь под сердцем новую надежду нашу...» Эти картины семейного и весьма плотского счастья нисколько не пленяли Софи. Напрасно майор живописал то счастливое мгновение, когда он окажется возле нее и сожмет ее в своих объятиях. Как раз этого она и боялась. Однако после рождения ребенка (16 сентября 1800 года она в Нанси произвела на свет второго сына — Эжена) она вынуждена была переехать к мужу в Люневиль, куда он был назначен губернатором. В Люневиле она вновь встретила Лагори, который был в большой милости при дворе и получил от Жозефа Бонапарта поручение вести переговоры о мире. Лагори показал себя при этом тонким дипломатом. Своим изяществом и отточенной речью он резко выделялся среди окружавших его вульгарных людей. «У него манеры роялиста», — говорил Сегюр. Что касается губернатора Гюго, он заказывал себе красивые мундиры и весьма гордился успехом своей жены,

умную головку которой хвалил сам Жозеф Бонапарт. Своему старому товарищу Мюскару, назначенному губернатором Остенде, Гюго написал восторженное письмо о «своей прелестной Софи» и «достойном всяческого уважения Лагори». Классическая ситуация.

В штабе Рейнской армии Гюго стал одним из приближенных генерала Моро. Злополучная близость, ибо в 1800 году Моро разыгрывал роль соперника Бонапарта, и все преданные ему люди возбуждали подозрение у нового властителя. Несмотря на горячие рекомендации Жозефа Бонапарта, Гюго не получил в Люневиле повышения в чине. Друзья, заботившиеся о его будущем, добились, чтобы его назначили командиром батальона 20-й полубригады. «Это назначение, — сказал он, — является для меня источником новых горестей и отвращения...» Ведь командиром 20-й полубригады состоял офицер, с которым Гюго был в ссоре.

В 1801 году, во время путешествия из Люневилля в Безансон, благодаря прогулке в горы был зачат третий ребенок супругов Гюго (как сказал ему однажды отец) — на горе Донон, самой высокой вершине Вогезов, среди облаков, что доказывает, насколько властным и внезапным оставался любовный пламень майора. Этот третий сын родился в Безансоне 26 февраля 1802 года в старинном доме XVII века. Родители пригласили в крестные отцы генерала Виктора Лагори, а в крестные матери — Мари Десирье, супругу Жака Делеле, бригадного генерала, коменданта крепости Безансон, — поэтому и ребенка назвали *Виктор Мари*. Фактически крещения как такового не было — восприимчикам надо было только подписаться в качестве свидетелей в книге актов гражданского состояния. Лагори к тому времени уже возвратился в Париж, и представителем его был генерал Делеле.

Ребенок казался очень хилым, и акушер не надеялся, что он будет жив, спасли его только упорные заботы матери.

Гюго — Мюскару

У меня трое детей, дорогой Мюскар, — три сына. Мое поприще должно быть и поприщем моих мальчиков. Пусть они идут по стопам отца, я буду доволен. Пусть сделают больше, чем мне уда-

ется сделать, я благословлю день их рождения, как благословляю обожаемую мою супругу, подарившую их мне... Сюда приехал мой брат. Он красивый малый пяти футов шести дюймов роста, всю войну прослужил гренадером в армии Самбры и Мааса. Я добился, чтоб его произвели в младшие лейтенанты. Есть у меня еще один брат... Для меня весьма затруднительно пристроить его, а между тем он прекрасный малый. Получил неплохое образование и даже написал трагедию, не лишенную достоинств... Он решил записаться добровольцем в армию.

Славные люди эти братья Гюго — все солдаты и поэты. Но Леопольду пошла не на пользу его солдатская прямота. В 20-й полубригаде он, по своему обыкновению, вступил в неравную борьбу со своим непосредственным начальником, полковником Гюстаром. У Гюстара счетоводство находилось в весьма запутанном состоянии. Гюго, не стесняясь, порицал его и был за это обвинен в подстрекательстве господ офицеров к бунту. Плохо дело! В высоких сферах друг генерала Моро не мог рассчитывать на какую-нибудь поддержку. Полковник Гюстар пожаловался на сварливый и буйный характер «этого толстого майора, который носит в Рейнской армии синий фрак спартанцев».

Гюго — Мюскарю

Он осмелился сказать, что я не был в сражениях. Разбойник судил по самому себе...

Министерство охарактеризовало Леопольда Гюго как интригана. А первый консул терпеть не мог бунтовщиков. Через полтора месяца после рождения третьего своего сына «толстый майор» получил приказ выехать в Марсель и принять там командование батальоном, который предполагали направить в Сан-Доминго.

Убежденный, что его преследуют, что над ним нависла серьезная опасность, Леопольд Гюго совершил безумство — послал свою молодую жену в Париж, поручив ей умолить Жозефа Бонапарта, генерала Кларка и Лагори, чтобы они изменили назначение и тем самым вырвали его из рук врагов. Софи, хоть ей и грустно было расставаться с тремя сво-

ими малышами, согласилась поехать: она всегда любила трудные поручения. Но обращаться к Лагори было, конечно, шагом неосторожным, и последствия его легко было предвидеть.

Генерал Лагори носил теперь пышные бакенбарды и причесывал волосы а-ля Титус. Объясняя своему другу Софи Гюго положение дел, он нарисовал картину далеко не утешительную. Лагори долго служил посредником между своим покровителем, генералом Моро, человеком нерешительным, и первым консулом, который не доверял бывшему командующему Рейнской армией, но еще щадил его. Бонапарт мог бы привлечь к себе Лагори, назначив его куда-нибудь послом. Он этого не сделал. Лагори повернул в другую сторону и сблизился с Моро, хотя и знал, что Моро — человек слабый. Первый консул отказался назначить Лагори командиром дивизии. Это означало — отставка в тридцать семь лет и несомненная опала. Лагори страдал, лицо у него пожелтело, блестящие глаза глубоко запали. Софи, воинственная по натуре, настаивала, чтобы он вступил в борьбу с первым консулом. Вокруг Моро увивались эмиссары Кадудалья и графа Артуа. Вандейка посоветовала прибегнуть к такому союзу — хотя бы для того, чтобы убрать Бонапарта. Совет неосторожный, но у Софи был напористый нрав и пылкое сердце.

Тем временем в Марселе маленький Виктор, прежде времени отнятый от груди, был доверен Клодине, жене отцовского денщика. Майор Гюго, возведенный в чин отца-кормильца, опекал трех своих сыновей, воспитывал их, как мог, и все заверял Софи в своей супружеской любви: «Я велел им поцеловать твое письмо и дал им от имени обожаемой мамы конфет... Хоть я и молод, а в этом городе царят соблазны, не бойся ничего... Ты увидишь меня достойным твоих целомудренных поцелуев...» Доверчивый супруг, терзаясь долгим отсутствием жены, старался успокоить себя. «Ни одна женщина не любит мужа сильнее, чем ты, я был бы очень несчастен, если бы тут ошибался...» Самый склад фразы доказывает, что у него имелись сомнения на этот счет. Первого января

1803 года он пишет своей Софи о детях: «Сегодня Абель пришел ко мне с поздравлением, а толстяк Эжен, стоя за ним, повторял его слова. Оба были такие забавные!.. Если ты предвидишь, что старания твои бесполезны, сократи время моего вдовства, возвращайся, чтоб утешить меня. Раз уж нельзя отвратить беду, я буду менее несчастным, если буду царить над тобой...»

В июне 1803 года Виктор, которому было тогда шестнадцать месяцев, потребовал, по словам майора, свою «мам-ма». А на самом-то деле он совсем ее не знал. Госпожа Гюго была тогда в замке Сен-Жюст, близ Вернона, в обществе Лагори, попавшего в немилость. «Клуб Моро» продолжал открыто поносить Бонапарта, и тот покарал смельчаков. Несмотря на ходатайства Софи перед Жозефом Бонапартом, майора Гюго послали на Корсику. С тремя маленькими детьми он отплыл на корабле в Бастию, старинный город с высокими угрюмыми домами. «Возвратись, моя дорогая Софи, в объятия твоего верного Гюго... — писал он жене. — Будь спокойна за мою верность. Помимо того, что здесь опасно ухаживать за женщинами, ибо, кроме возможности подхватить какую-нибудь болезнь, следует еще остерегаться ударов стилета, в душе моей не угасает воспоминание о тебе, не меркнет твой дорогой образ, и я не могу причинить тебе огорчение, зная, что кара, грозящая мне, станет для меня смертельной мукой...» Кара, однако, предшествовала проступку; госпожа Гюго едва отвечала на письма, а покинутый отец должен был заботиться о малыше, у которого прорезывались зубы. «Он напоминал легендарного воина, — говорил Сент-Бёв, — великана, который собрал в свой шлем трех пухленьких малюток с ангельскими личиками и без труда несет их в походе от привала к привалу, проявляя о них материнскую заботу».

Абель ходил в школу; Эжен, толстяк с румяными щечками и белокурыми кудряшками, был любимцем всех дам; Виктор оставался хилым и грустным ребенком. У него была огромная голова, слишком большая для его худенького тельца, и от этого он казался уродливым карликом. «Часто бывало, что он забивался в какой-нибудь уголок и молча проли-

вал слезы, никто не знал почему...» Отец доверил его женщине, которая должна была водить его гулять; с первых же дней мальчик невзлюбил ее. Он сердился, что она не умеет говорить по-французски, он называл ее «cattiva» — злая. Можно представить себе, что творилось в сердце этого ребенка, оставленного матерью, этого чахлого малютки, совсем не похожего на двух старших братьев-крепышей. Так закладывалась основа мрачного характера, которая будет проглядывать сквозь необыкновенную жизненную силу Виктора Гюго.

В 1803 году батальон перевели на остров Эльбу, и только там, в Портоферрайо, госпожа Гюго соединилась наконец со своей семьей. Муж настойчиво звал ее: «Все удивляются, что ты не приезжаешь и что дети оставлены на меня. Уже начались всякие толки...» Софи хорошо знала, зачем она едет, — увезти в Париж троих своих сыновей, которых она обожала, и встретиться там с Лагори. Она рассчитывала добиться согласия майора, полагая, что при его пылкости, хорошо ей известной, он, должно быть, уже завел любовную интригу и захочет получить свободу. И действительно, как только госпожа Гюго приехала, добрые души оповестили ее, что майор сошелся на острове с девицей Катрин Томá, отец которой служил экономом в госпитале, но был уволен за растрату. Хоть Софи и сама была виновата перед мужем, она проявила негодование, отвергла любовные домогательства Гюго и уехала обратно в ноябре 1803 года. В Портоферрайо она прожила меньше четырех месяцев.

В дальнейшем она заявляла, что муж совсем не уговаривал ее остаться, что он желал получить свободу, чтобы сожительствовать с любовницей. Несомненно, майор Гюго был слаб перед плотскими соблазнами. И все же он предпочел бы любовницам свою жену, если б она сделала терпимой совместную жизнь. Но конфликт между женой и мужем исходил из разницы темперамента.

Майор Гюго — жене, 8 марта 1804 года

Прощай, Софи. Помни, что меня точит червь, желание обладать тобой; помни, что в моем возрасте страсти отличаются особой

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	5
--------------------------	---

Часть первая ВОЛШЕБНЫЕ ФОНТАНЫ

I. По крови он сын Лотарингии и Бретани.....	9
II. Мне снятся войны.....	27
III. Конец детства	45

Часть вторая ОГНИ РАССВЕТА

I. Птицы в клетке	59
II. Первые вздохи	73
III. «Литературный консерватор»	84
IV. Обручение	90
V. Хотеть — это мочь	105

Часть третья ЧАС ТОРЖЕСТВА

I. После свадьбы	119
II. «Французская Муза»	126
III. Блуа, Реймс, Шамоникс	138
IV. Мастерство	149
V. «Восточные мотивы» квартала Вожирар	161

Часть четвертая РАННЯЯ ОСЕНЬ

I. Верный Ахат	179
II. Дорогу театру!	182

ОГЛАВЛЕНИЕ

III. Et ne nos inducas...	189
IV. Оды следуют одна за другой	203
V. Anankè	213
VI. «Осенние листья»	224

Часть пятая

ЛЮБОВЬ И ПЕЧАЛЬ ОЛИМПИО

I. Королевская площадь	233
II. Княгиня Негрони	241
III. Год 1834-й	255
IV. Олимпио	267

Часть шестая

ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ

I. «Лучи и Тени»	283
II. Жюльетта под куполом Академии	299
III. Рейн	319
IV. О гладиаторах в литературе	324
V. В Вилькье	329
VI. Фривольности и фрески	343
VII. Величие и горести	354

Часть седьмая

ВРЕМЯ РЕШЕНИЙ

I. Кошелек или сердце	367
II. Иллюзии и разрыв	382
III. Политическая борьба и смятение чувств (1850–1851)	393
IV. Мужественные люди	407

Часть восьмая

ИЗГНАННИКИ, МЫСЛИТЕЛИ, СОЧИНЕНИЯ

I. С Гран-Пляс на «Марин-Террас»	417
II. «Марин-Террас»	433
III. Появляются духи и говорят столики	442
IV. О, царство теней!	448
V. «Созерцания»	453
VI. «Легенда веков»	468

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть девятая ПЛОДЫ ИЗГНАНИЯ

I. «Останется один...»	479
II. «Отверженные»	490
III. Гора в огне	498
IV. «Песни улиц и лесов»	502
V. Труженик моря	506
VI. Последняя битва за «Эрнани»	516
VII. Конец изгнания	527

Часть десятая СМЕРТЬ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

I. «Грозный год»	537
II. Чья вина?	548
III. На склоне лет...	564
IV. Улица Клиши, 21	575
V. «Искусство быть дедом»	585
VI. Дьявол и его влечения	588
VII. О, мрак!..	599
VIII. «Закаты, равные порой апофеозам...»	602
Примечания. <i>М. Добродеева</i>	615